

И. С. СИДОРОВ

ПУШКИНИСТ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ ПОПОВ¹

Есть лица, чья истинная роль в истории культуры, истории науки осознается только по прошествии значительного времени после завершения их деятельности и жизненного пути. Они как бы постепенно выходят из тени их знаменитых современников. Так сложилась и судьба Павла Сергеевича Попова. При жизни он был оценен достаточно узким кругом коллег, учеников и немногочисленных близких друзей.

У него и фамилия была неброская — мало ли было Поповых?

Например, многие читатели знают Попова — одного из ближайших друзей М. А. Булгакова. Текстологи припомнят Попова, комментировавшего незавершенные исторические романы Л. Н. Толстого и его переписку с женой, а также переписку А. В. Дружинина, А. П. Чехова. Кто-то знает Попова — переводчика античных и поздних западноевропейских философов. Исследователи творчества Достоевского вспомнят Попова, выступившего в двадцатые годы с получившим широкий резонанс докладом «„Я“ и „Оно“ в творчестве Достоевского». Выпускники философского факультета Московского университета конца 40-х — начала 60-х годов слушали лекции профессора логики Попова. Пушкиниста Попова знают тоже в основном только те, кто занимается пушкинской «Историей Петра».

И совсем мало тех, кто знает, что все эти Поповы — это один и тот же Павел Сергеевич Попов.

Поэтому, прежде чем говорить о деятельности Павла Сергеевича именно в области пушкинистики, надо хотя бы кратко рассказать о его жизни в целом².

1. Он родился 22 августа 1892 г. в семье фабриканта Сергея Максимовича Попова. Это был фабрикант новой формации; окончил юридический факультет Московского университета, много делал для усовершенствования как производства, так и быта рабочих.

О характере воспитания детей в семье лучше всего говорит тот факт, что старший брат Павла Сергеевича — Сергей Сергеевич стал музыковедом, учеником композитора А. Т. Гречанинова, сестра Любовь Сергеевна Попова — известным художником-авангардистом, другая сестра — Ольга — служила в библиотеке Большого театра.

Сам Павел Сергеевич в 1915 г. закончил историко-филологический факультет Московского университета и был оставлен на кафедре философии для подготовки к профессорскому званию. Во время учебы в университете его наставником и другом стал профессор философии Л. М. Лопатин, один из лучших знатоков новейшей западной философии. Лопатин был для Павла Сергеевича образцом ученого — образцом, которому Попов следовал всю жизнь. Через Лопатина Попов познакомился с В. Ф. Эрном, Г. Г. Шпетом, Л. И. Шестовым и другими учениками и коллегами своего учителя. В университете же Павел Сергеевич сблизился и с учившимся одновременно с ним А. Ф. Лосевым.

Революция 1917 года нарушила планы Попова. В 1919 г. он — профессор философии, но не Московского, а Нижегородского университета, куда ездит читать курс логики и истории новейшей философии. В 1923 г. начинается его работа в Российской академии художественных наук (РАХН, с 1925 г. — ГАХН). Он активно участвует в деятельности литературной и философской секций, которыми руководит Г. Г. Шпет. В том же 1923 г. он выступает на литературной секции с упомянутым уже докладом «„Я“ и „Оно“ в творчестве Достоевского» [Попов 1928]. По линии философской секции Попов на протяжении нескольких лет участвует в разработке «Словаря художественных терминов», сохранившиеся материалы которого увидели свет только в 2005 г. [см. СХТ].

Специально следует отметить, что всю свою жизнь Попов оставался верующим человеком. В 20-е годы он вместе с А. Ф. Лосевым входил в религиозно-философский кружок имяславцев.

Вероятно, в 1925 г. Павел Сергеевич знакомится с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым. Это знакомство перерастает в самую близкую дружбу. Попов одним из первых в полной мере осознал всю значительность булгаковского таланта. На их дружбе не сказались ни аресты Попова, ни преследования Булгакова. Она оставалась неизменной до самой смерти писателя. Последняя собственноручно написанная смертельно больным писателем записка была адресована Павлу Сергеевичу³. И первым биографом Булгакова стал Попов. Он же хранил тексты запрещенных пьес Булгакова и один из экземпляров романа «Мастер и Маргарита».

Всегда сдержанный, не отличавшийся бойцовским характером, Павел Сергеевич при этом всю жизнь был одним из хранителей русской культуры, что порой требовало немало мужества. Он не только оставался верен лучшим научным и педагогическим традициям, но был хранителем и в самом прямом смысле этого слова. Кроме текстов М. А. Булгакова, он бережно сохранил архив своего учителя Л. М. Лопатина, а также сберег и хранил картины своей рано умершей сестры, пока они, наконец, не оказа-

лись востребованы. Есть указания, что он хранил и вовсе опасные по тем временам вещи, а именно — документы о гонениях советской власти на церковь. Во всём этом Павла Сергеевича поддерживала его жена Анна Ильинична (1888—1954), внучка Л. Н. Толстого, с которой он обвенчался в 1926 г. и которая стала надёжной опорой во всех перипетиях его судьбы. В отличие от мужа, она была необыкновенно энергичным человеком.

В 1926 г. Попов возглавляет в ГАХН Кабинет по изучению современной художественной терминологии, где постепенно концентрируется работа философской секции академии. На заседаниях Кабинета он выступал с докладами «Аполлон Григорьев и Шеллинг», «Тютчев и Шеллинг», «Эстетические взгляды Л. Н. Толстого». Последний доклад был связан, в частности, с тем, что в самом конце 20-х годов, вероятно, не без участия Анны Ильиничны, Павел Сергеевич был привлечен к изданию юбилейного полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Вместе с М. А. Цявловским, с которым Попов был знаком, по крайней мере, с середины 20-х годов⁴, он участвовал в подготовке и комментировании неоконченных исторических романов Толстого: Цявловский готовил роман о декабристах, а Попов — роман из времен Петра I.

С 1926 г. Павел Сергеевич параллельно работает консультантом при библиотеке объединенной Центральной контрольной комиссии и Рабоче-крестьянской инспекции (ЦКК-РКИ), где занимается подбором литературы по различным вопросам и переводами иностранных статей и документов на иностранных языках [см. Файман 1998].

24 февраля 1930 г. Павел Сергеевич был арестован. Немедленно, еще до какого-либо решения следственных органов, в ГАХН оформляется его увольнение. Первоначально Попова обвинили в шпионаже (он и Анна Ильинична общались с сотрудником посольства Чехословакии, так как в Праге жила мать Анны Ильиничны, к которой она на некоторое время посылала своих двух сыновей от первого брака). В обвинительном заключении, датированном 31 марта 1930 г., говорилось, что «по роду своей деятельности Попов соприкасался с секретными материалами ЦКК-РКИ» и, «будучи знакомым с Гирса (сотрудником чехословацкого посольства. — И. С.), мог информировать его о состоянии нашей промышленности» [Файман 1998: 8].

Анна Ильинична, когда нужно, умевшая, по ее собственным словам, «повисеть на бороде деда», вероятно, всё это время активно хлопотала. Во всяком случае, 16 апреля Павла Сергеевича освободили под подписку о невыезде, а 28 апреля Особое совещание при Коллегии ОГПУ пере-квалифицировало его из шпиона в «социально-опасный элемент». Всё за-

кончилось тем, что 25 июня 1930 г. Попов получил справку, которая «видом на жительство служить не может», но в которой говорится, что ему «согласно Постановления Ос. Сов. при Колл. ОГПУ от 9/VI-30 г. разрешено свободное проживание по СССР» [Файман 1998: 8].

Однако его попытка вернуться в ГАХН не удалась⁵. Да и на свободе ему предстояло пробыть не слишком долго.

Буквально в те дни, когда Попова выпустили из-под стражи, началось дело о группе «Имяславие» (18 апреля 1930 г. был арестован А. Ф. Лосев), и имя Павла Сергеевича опять оказалось в поле зрения следователей. И на этот раз для Попова снова всё заканчивается почти благополучно — осенью 1931 г. его «только» высылают из Москвы на три года. К счастью, других ограничений на место жительства определено не было, и Павел Сергеевич выбирает для проживания Ленинград. Этот поворот судьбы неожиданно приводит его в пушкинистику, но об этом подробно рассказывается ниже, во второй части статьи. Благодаря хлопотам всё той же Анны Ильиничны, осенью 1932 г. Попов возвращается в Москву.

Активно сотрудничая в 30-е годы в пушкиноведческих изданиях, он в то же время продолжает свою работу в редакции по изданию собрания сочинений Л. Н. Толстого, пишет внутренние рецензии на материалы, поступающие в редакцию сборника «Звенья», переводит античных философов и Ф. В. Шеллинга, готовит очередные тома «Летописей Государственного Литературного Музея», посвященные переписке А. В. Дружинина и неизданным материалам А. П. Чехова [Попов, Федоров 1947; ЛГЛМ 1948]. Полностью подготовленный том чеховских материалов Павел Сергеевич сдает в редакцию буквально накануне начала Великой Отечественной войны.

Война прерывает эти работы, а в 1943 г. Попов получает приглашение на философский факультет Московского университета, и с этого времени и до конца жизни преподавание становится основной его деятельностью. С 1943 г. он исполняет обязанности заведующего кафедрой логики.

Фаина Георгиевна Никитина вспоминает о тех годах:

«В 1943 году я, студентка II-го курса, участвовала в семинаре профессора Попова по Спинозе. Помню, как мы жадно ловили каждое его слово. Помню, как он умел заинтересовать студентов сложными философскими проблемами. Всегда подтянутый и собранный, П. С. Попов отличался врожденным тактом. Он никогда не повышал голоса. Его оценки были точно и научно обоснованы. Нас, студентов, поражала его философская осведомленность и широта кругозора. (...) Нельзя забывать, что время работы Попова на философском факультете МГУ было трудное и не только потому, что шла война. Под видом борьбы за чистоту научной теории в 40—50-ые годы там развертывались острейшие идеологические баталии (...) Идеологический отдел ЦК партии бдительно следил за преподаванием философии. (...) В этой атмосфере, когда наущничество процветало и ка-

ждый чувствовал себя неуверенно, Попов вел себя в высшей степени достойно. Он, не принимая участия в бурных обличительных собраниях, никого не разоблачал, как мог старался поддерживать беспартийных коллег, хотя и его собственное положение было весьма шатким. (...) Попова взяли под защиту его студенты, вернувшиеся с фронта, один из которых — Г. А. Орлов — занимал тогда ответственный пост в парткоме МГУ. Другим преподавателям не повезло. Помнится, с факультета был изгнан известный философ А. Лосев, затем талантливый преподаватель логики А. С. Ахманов. Вся эта вакханалия происходила на моих глазах. И мне странно, что в последнее время появились мнения о том, что Попова в это время „бес попутал“, что именно он написал донос на профессора Лосева. Это никак не соответствует действительности. И тем не менее, о „предательстве“ Попова сказано в „Булгаковской энциклопедии“ Б. В. Соколова. Об этом же пишет А. Тахо-Годи в своей книге „Лосев“. Замечу, что Тахо-Годи в это время на факультете не было и знать о факультетских событиях она могла только через, по-видимому, тех, кто был заинтересован в том, чтобы опорочить выдающегося ученого. Ясно одно — чудовищная неправда должна быть публично опровергнута. В памяти всех, кто знал Павла Сергеевича, должен остаться образ человека, который, как и все лучшие представители русской интеллигенции в тяжелое время тоталитаризма, прошел сложный жизненный путь, сохранил свою честь и достоинство, а главное — верность науке, и многое сделал для нее, для великой отечественной культуры»⁶.

Солидарна с Ф. Г. Никитиной и публикатор переписки Булгакова и Попова В. В. Гудкова, писавшая еще в 1998 г.:

«Несколько лет назад в печати появилось обвинение, высказанное вдовой А. Ф. Лосева, А. А. Тахо-Годи, в том, что будто бы Попов был автором доноса, из-за которого Лосев лишился кафедры в Московском университете. Аргументов представлено не было, и я решила встретиться с Тахо-Годи. Но и при встрече (5 сентября 1994 года) Аза Алибековна не привела никаких доказательств, способных подтвердить обвинение, упомянув лишь, что пишет книгу о А. Ф. Лосеве, где „обо всем будет рассказано“. Теперь книга вышла, но и в ней ни одного компрометирующего Попова документа не появилось, хотя недоброжелательные интонации звучат неоднократно. Напротив, факты, приводимые Тахо-Годи на страницах книги, свидетельствуют об обратном — „твердом“ поведении Павла Сергеевича на допросах, его нежелании „перестраиваться“ в ущерб собственной карьере, и т. д.

Мои же аргументы в пользу незапятнанной репутации ученого опираются на весомую поддержку академика Никиты Ильича Толстого и замечательного историка и филолога Якова Соломоновича Лурье (к несчастью, обоих ныне уже нет в живых). Это, во-первых, жизнеповедение Попова по отношению к Булгакову и его архиву, хранить который значило идти на сознательный и немалый риск. Н. И. Толстой приводит еще более весомый аргумент в защиту ученого, говоря, что Павел Сергеевич был не просто верующим, а истово верующим человеком, в котором мелочное честолюбие, житейская корысть, готовые прибегнуть к такого рода поступкам, исключались» [Гудкова 1998: 338].

В 1947 г. Попов утверждается заведующим кафедрой логики. Правда, в этой должности он пробыл недолго, что не удивительно, если принять во внимание, что он был не только беспартийным, но и, как сказано выше, верующим человеком, ходившим в церковь. В 1948 г. по Министерству высшего образования издается приказ, в котором говорится: «Если к концу те-

кущего учебного года П. С. Попов не обеспечит перестройку кафедры и не ликвидирует формализм в преподавании логики, то он будет освобожден от заведывания кафедрой», что через несколько месяцев и произошло. Освобожденный от административных обязанностей, Павел Сергеевич смог больше времени уделять науке и преподаванию. Он занимается проблемами логики; в 1957 г. выходит его брошюра «Суждение» [Попов 1957], в 1960 г. — книга «История логики нового времени» [Попов 1960]. В 1950-х годах, кроме философского факультета МГУ, он читает также лекции в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской, в «Ученых записках» которого также публикует свои статьи.

Его литературоведческие интересы в эти годы как бы отошли на второй план, но не исчезли совсем. После войны, наконец, увидели свет подготовленные им еще до ее начала тома, посвященные А. П. Чехову⁷ и А. В. Дружинину [ЛГЛМ 1948]. В конце 1950-х годов Павел Сергеевич снова выступает с докладом и статьей, посвященными Достоевскому, отстаивая точку зрения, что «ни идеологию, ни писательский талант или своеобразие художника нельзя втиснуть в готовые, впрямь препарированные рамки: вот — революционный демократ, вот либерал, вот консерватор; при таком подходе такие авторы, как Достоевский, рассекаются на такие ничего не значащие половинки: вот петрашевец-революционер, а вот консерватор типа Каткова» [Попов 1958: 248–249].

До последних дней жизни Попов трудился. Уже тяжело больной, будучи не в силах ездить на лекции в университет, он приглашал аспирантов к себе домой, думал над новыми статьями. Скончался Павел Сергеевич 31 января 1964 г.

Каждая из сторон его деятельности достойна самостоятельного рассмотрения. Далее предлагается краткий обзор работ Павла Сергеевича Попова в области пушкинистики.

2. 24 октября 1931 г. Попов в письме Михаилу Афанасьевичу Булгакову из Ленинграда (точнее — из поселка Тярлево под Ленинградом) писал: «Со вчерашнего дня перешел на Пушкина. В бывшем Пушкинском доме имеется 22 тетради Пушкина, доселе не опубликованные. Правда, все это подготовительные выписки и материалы к оставшейся ненаписанной истории Петра, но охватывает трепет, когда приступаешь к редактированию такого opus'a» [Булгаков, Попов 2003: 72].

Два события способствовали тому, что Попов начал работать над пушкинскими рукописями именно в это время. В январе 1931 г. неожиданно умирает П. Е. Щеголев, через которого пушкинские материалы по истории Петра I попали в Пушкинский Дом и который должен был готовить их для задуманного уже пушкинистами нового академического полного со-

брания сочинений Пушкина. Второе событие — это высылка из Москвы. Осенью 1931 г. Попов вместе с Анной Ильиничной отправляется в Ленинград. Можно полагать, что, узнав об этом, Цявловский, после смерти Щеголева вошедший в состав Главного редакционного комитета академического издания Пушкина, и поручает Попову взять на себя, будучи в Ленинграде, работу с пушкинскими материалами по истории Петра I.

Как вспоминала К. П. Богаевская, «вероятно, М. А. ценил П. С. как работника, так как поручил ему готовить для академического издания Пушкина „Историю Петра“, даже против желания (Ю. Г.) Оксмана» [Богаевская 1996: 124]. Свою роль в этом решении Цявловского, надо полагать, сыграло и то, что для собрания сочинений Толстого Павел Сергеевич, как упоминалось выше, готовил к изданию и комментировал начатый писателем, но не завершённый роман, получивший условное название «Роман времен Петра I» [Попов 1936а]. Благодаря этому Попов уже ориентировался в историографии петровского времени, что несомненно должно было способствовать и его работе над текстами пушкинской «Истории Петра».

В Главной редакции полного собрания произведений Л. Н. Толстого отъезд Попова в Ленинград официально оформляется как командировка. В выданном ему удостоверении говорится, что «редактор П. С. Попов направляется в Ленинград для работ в Ленинградских архивах и книгохранилищах по изданию Полного Собрания Сочинений Л. Н. Толстого на два месяца с оплатой за работу по 125 (рублей) ежемесячно»⁸. Таким образом, на первые два месяца проживания в Ленинграде он обеспечен зарплатой, а дальше, вероятно, должен найти себе работу на месте. Одной из таких работ (скорее всего, по договору с Институтом русской литературы, как тогда стал называться Пушкинский Дом) и оказывается подготовка к изданию пушкинской «Истории Петра»⁹.

К весне 1932 г. работа по прочтению пушкинской рукописи в основном закончена, но академическое собрание сочинений Пушкина, для которого она предназначалась, ещё не вышло из области предположений и планов, и подготовленные материалы остаются без движения. Уже с конца 1931 г. Попов пытается найти какие-нибудь возможности их издания. В ноябре он пишет об этих материалах в недавно созданную редакцию «Литературного наследия», но ответа не получает¹⁰.

К нему обращается В. Д. Бонч-Бруевич¹¹ с предложением дать что-нибудь в сборник «Звенья», первая книжка которого только что вышла, и Павел Сергеевич предлагает:

«Неопубликованные материалы по истории Петра I Пушкина. Рукописей Пушкина около 10 печ(атных) листов; найдены они только во время революции, из них напечатано до сих пор листа 1½. Для академического издания Пушкина их должен был ре-

дактировать Щеголев, после его смерти предложено мне. ГИХЛ в настоящее время от академического издания отказался. Я хотел издать книгой, здешнее издательство писателей заинтересовалось, но нет бумаги. Моя подробная докладная записка об этом Пушкинском материале находится у Цявловского, который меня и побудил к этой работе. Если заинтересует Вас, затребуйте у него мой план издания. Можно опубликовать частично (выборку). — Материал здешний, Ленинградский»¹².

Но в «Звеньях» этот материал тоже не появится.

В 1932 г. Попову разрешено вернуться в Москву, и осенью он приезжает обратно в столицу. К этому времени в редакции «Литературного наследства» начали подготовку известного ныне специального пушкинского тома. Тут-то и вспомнили о прошлогоднем предложении Павла Сергеевича, и 15 сентября 1932 г. один из составителей, литературовед И. В. Сергиевский¹³, пишет ему:

«Занимаясь в настоящее время подготовкой очередного сборника нашего издания, посвященного в основной своей части Пушкину, я ознакомился с вашим письмом от 27/XI-31 г. с предложением об издании пушкинских материалов по Петру, а также с вашей докладной запиской по этому вопросу, полученной мною от М. А. Цявловского.

Само собой разумеется, что использовать весь имеющийся в вашем распоряжении материал мы не сможем, так как он занял бы весь сборник. Однако он представляется мне настолько ценным и значительным, что даже частичная публикация была бы вполне законна и своевременна. (...) совершенно ясно, что это должно быть не голое собрание текстов, а нечто цельное и законченное, своего рода исследование на тему: „Пушкин в работе над историей Петра“. Документально текстовый материал должен здесь безусловно доминировать, но подан он должен быть не как самоцель, а так чтобы в подоро его проступали основные линии деформации голиковского материала у Пушкина»¹⁴.

Вероятно, подход к публикации, предлагаемый Сергиевским, практически совпадал с подходом самого Павла Сергеевича. В результате, для пушкинского выпуска «Литературного наследства» (т. 16/18; будет сдан в набор 15 января 1934 г.) он готовит большую статью «Пушкин в работе над историей Петра I» [Попов 1934б]. П. С. Попов проанализировал характер пушкинской работы над трудом И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» и показал, что пушкинский текст не является простым конспектом голиковских томов, а отражает во многих случаях пушкинские размышления над описываемыми событиями и пушкинское отношение к ним. С присущей ему педантичностью Павел Сергеевич расклассифицировал различные случаи отступления Пушкина от голиковского текста:

«Сопоставление содержания имеющихся 22 тетрадей с повествованием Голикова приводит к выводу, что Пушкин от себя внес изменения, которые можно объединить в четыре группы. Пушкин: 1) не следовал слогу подлинника и перелагал все своим языком, 2) подчас самостоятельно формулировал ссылки на исторические источники и определял их значимость, 3) делал собственные сопоставления, пояснения,

вставки и обобщения, 4) проводил собственную тенденцию в подборе и в толковании излагаемых исторических фактов» [Попов 1934б: 477].

Каждую из выделенных групп Попов подробно проанализировал и проиллюстрировал, а в конце статьи впервые полностью опубликовал XXI тетрадь пушкинских записей, давая ее текст параллельно с соответствующим текстом голиковского труда. Эта статья во многом определила дальнейшее отношение пушкинистов к пушкинским материалам по истории Петра I. Однако в рецензии на статью Павла Сергеевича всё-таки было отмечено, что в целом проблема «Пушкин-историк» оказалась не раскрытой [Шебунин 1936: 441]. Заметим, что именно эта проблема в дальнейшем окажется в центре почти всех пушкиноведческих работ П. С. Попова.

Вероятно, желая прояснить историю пушкинских рукописей, над которыми он работал, Павел Сергеевич связывается с внуком поэта — Григорием Александровичем Пушкиным, который в это время живет в Лопасне и от которого П. Е. Щеголев в свое время получил эти материалы. В письме к Попову от 23 октября 1932 г. Г. А. Пушкин и рассказывает ставшую ныне хрестоматийной историю о забытом всеми при переездах ящике с материалами по истории Петра I. Долгие годы ящик оставался безнадзорным в кладовке лопасненской усадьбы, и лишь в 1917 г. «при обмене помещениями и связанном с ним разборе вещей Наталья Ивановна Гончарова (племянница Натальи Николаевны Пушкиной) обратила внимание на исписанные листы, которыми была устлана клетка с канарейкой, висевшая в усадьбе. Г. А. Пушкин, убедившись что бумага исписана рукой деда, стал искать, откуда растаскивались эти листы; тогда только и был обнаружен в кладовой затерявшийся и уже раскрытый ящик с бумагами, объединенными мышами, — очевидно было, что часть их уже уничтожена. Основным ядром этих бумаг оказались выписки А. С. Пушкина для истории Петра I» [Попов 1936б: 84].

Попов сумел расположить к себе Г. А. Пушкина. Снова оказавшись в тяжелом материальном положении и решив продать остававшуюся у него часть хозяйственного архива Пушкиных, внук поэта обращается с этим именно к Павлу Сергеевичу, и тот сразу же соглашается быть посредником между ним и Государственным Литературным музеем. 1 февраля 1933 г. Григорий Александрович привозит документы в Москву из Лопасни и передает Попову, а на следующий день Павел Сергеевич разбирает их вместе с М. А. Цявловским, под диктовку которого Т. Г. Цявловская тогда же записывает в их дневнике:

«1-го февраля Гр. Ал. приехал и привез еле завернутые в дырявую бумагу, кучей сложенные бумаги. Там оказалось несколько автографов Пушкина (записи денежные:

за Бат. <юшку ?> заплачено столько-то
за брата — — — —
долгов брата — — — — и т. д.),

прикидка собр. соч. с расчетом по листам и просто денежные подсчеты на оборотах писем управляющего, пачка писем Калашникова (управл. Болдиным), 1 п. <исмо> его дочери Ольги — „крепостной любви Пушкина“, письма Пеньковского, очень много документов по истории рода Пушкиных, Приклонских, Ганнибалов, отпускное (т. е. по ее делам) свидетельство Пр. Ал. Осиповой двум крестьянам в Петербург 29 ноября 1825 г. (рукой Пушкина, стилиз. <ованной> под писаря XVIII в.). Почему оно *осталось у Пушкина?* Я думаю, что неспроста. Тут какое-то несостоявшееся поручение к Пушкину или что-нибудь подобное.

Еще в архиве подворные переписи пушк. крестьян в Болдине, жалобы крестьян на управл.<яющего>.

И еще: два документа исключительного интереса. Приказы Пугачева, как Петра III. Словом, потрясающе!» [Цявловский, Цявловская 2000: 113].

Расклассифицировав документы на несколько разделов, Попов составляет их опись, которую приложит к следующему заявлению в фондovou комиссию только еще создававшегося Государственного Литературного музея (заявление датировано 7 февраля 1933 г.):

«1 февраля сего года мне передан внуком А. С. Пушкина Григорием Александровичем Пушкиным хозяйственный и семейный архив А. Пушкина, опись которого при сем прилагается. Согласно договоренности с Г. А. Пушкиным, уполномоченный последним на переговоры касательно данного архива, представляю этот архив на рассмотрение Фондовой Комиссии с целью определения его стоимости для покупки в Литературный Музей.

Что касается права первого опубликования, то согласно договоренности Г. А. Пушкина со мною от того же 1 февраля преимущественное право первой публикации предоставляется мне, Попову, согласно же моей договоренности с М. А. Цявловским от 2 февраля, главным редактором по публикации данного материала является Цявловский. Поэтому приобретение данного архива сопровождается обязательством для соответствующего государственного хранилища не представлять документов архива для использования других лиц (sic!) до времени первой публикации, осуществляемой Цявловским и Поповым»¹⁵.

В тот же день, 7 февраля, «в заседании Фондовой комиссии по организации Центрального Литературного Музея было постановлено приобрести этот архив для музея. Тогда же выдвинуто В. Д. Бонч-Бруевичем предложение опубликовать полностью содержимое архива в первом выпуске органа Литературного Музея „Летописи“» [Попов 1936б: 85]. Архив был куплен¹⁶. В те же дни В. Д. Бонч-Бруевич решает включить описание приобретенного архива в третью книжку «Звеньев», уже находившуюся в типографии. Попов срочно берется за описание архива и уже 27 февраля, пишет В. Д. Бонч-Бруевичу: «препровожаю статью „Новый архив Пушкина“. (...) В статье — печатный лист»¹⁷. Ради скорейшей публикации этого, можно сказать, сенсационного, материала Бонч-Бруевич пошел на задержку третьей книжки «Звеньев» и объединение ее с уже готовившейся четвертой.

С 8 по 11 мая 1933 г. в Ленинграде проходит представительная конференция пушкинистов, на которой окончательно решается вопрос об издании академического полного собрания сочинений Пушкина к столетию со дня смерти поэта, также поднимается вопрос о Пушкинской энциклопедии¹⁸. Попов включен в комиссию по подготовке и изданию этой энциклопедии, именованной также «Пушкинским энциклопедическим словарем» (а впоследствии преобразованной в «Справочник к сочинениям Пушкина»). Очевидно, как философ и логик, Павел Сергеевич участвовал в разработке проспекта для раздела «Пушкинская тематика и терминология», а проспект для раздела «Музыка» подготовлен его братом, музыковедом Сергеем Сергеевичем Поповым (позднее репрессированным)¹⁹.

В июле 1934 г. выходит в свет сдвоенная книжка «Звеньев» (т. 3/4), в которой статья Попова «Новый архив Пушкина» [Попов 1934а] открывает раздел «Пушкин и о Пушкине». Эта статья оказалась первой пушкиноведческой публикацией Павла Сергеевича.

В марте 1935 г. выходит в свет пушкинский том «Литературного наследства» (подписан к печати 10 октября 1934 г.) с его статьей «Пушкин в работе над историей Петра I» [Попов 1934б].

В июне 1935 года этому тому «Литературного наследства» посвящается целая страница «Литературной газеты». Есть здесь и обзор содержания тома, в котором статья Попова не упомянута, но обусловлено это тем, что писал обзор сам Павел Сергеевич [см. Попов 1935]. Он был не только педантичен в своих исследованиях, но и очень строг в вопросах научной этики и такта («рекламировать» собственную работу он просто не мог). Эта строгость проявлялась и в отношении к другим исследователям, независимо от уровня их заслуг. Так, характеризуя в этом обзоре работу Б. В. Томашевского «Издания стихотворных текстов», Попов писал, что она «приковывает к себе внимание обстоятельностью и полнотой, если откинуть в работах Томашевского запальчивый полемический тон и смакование ошибок, не всегда бесспорных, других его собратьев по перу в области пушкиноведения» [Попов 1935: 2].

А пушкинская «История Петра» по-прежнему дожидается своей публикации. Тем временем Павел Сергеевич готовит для первого тома «Летописей Государственного Литературного музея» сам архив, полученный от Г. А. Пушкина. Эта работа потребовала значительных усилий при подготовке комментария и самих текстов к печати. Попов старается максимально сохранить орфографию и синтаксис как писарских документов XVIII века, так и, например, безграмотных писем болдинского управляющего Калашникова к Пушкину (впоследствии, в академическом издании Пушкина, они будут напечатаны — не Поповым — в значительно

более «сглаженном» виде). 6 июля 1935 г. первый том «Летописей» сдан в набор, но еще возникнет множество трений с издательством.

Едва закончив эту работу, Павел Сергеевич начинает подготовку к изданию поступившего в фонды литературного музея «Архива опеки Пушкина», который должен составить отдельный том «Летописей Государственного Литературного музея». Уже 25 мая 1935 г. музей заключает с Поповым новый договор²⁰.

В 1936 г. резко активизируется подготовка к столетию со дня смерти Пушкина. Павел Сергеевич участвует в подготовке пушкинского календаря-альманаха [ПК]²¹, а также в июне 1936 г. заканчивает две статьи для подготавливаемого в Горьком сборника «Пушкин в Болдине» (выйдет в самом начале 1937 г.). Это — основанные на находящихся в распоряжении Попова архивных материалах статьи «История Болдина» [Попов 1937а] и «Пушкин под надзором в Нижегородской губернии» [Попов 1937б]. В последней статье впервые в полном составе публикуется отложившийся в свое время в делах канцелярии нижегородского военного губернатора комплекс документов, связанных с организацией тайного надзора за поэтом во время его поездки в Оренбург и Болдино в 1833 г.

20 сентября 1936 г. в «Литературной газете» печатается заметка Павла Сергеевича «Существовал ли неизвестный дневник Пушкина?» [Попов 1936в]. Это — отклик на появившуюся в предыдущем номере газеты публикацию Н. К. Козмина «Зарубежные автографы Пушкина» [Козмин 1936], в которой излагалась гипотеза о существовании (скорее всего — за границей) неопубликованного дневника Пушкина, который в 1923 г. пытался получить М. Л. Гофман у внучки поэта — Е. А. Розенмейер. Попытка завершилась безрезультатно, но призрак возможного существования этого дневника до сих пор время от времени возникает в пушкиноведческой литературе. Попов в своей заметке опровергает возможность его существования, опираясь, в частности, на информацию, полученную от внуков Пушкина, живущих в это время в Москве: «В настоящее время все дети Александра Александровича Пушкина, владевшего рукописями поэта, единогласно свидетельствуют, что никакой другой дневник, помимо переданного во Всесоюзную публичную библиотеку им. Ленина, им неизвестен» [Попов 1936в: 6].

Параллельно с подготовкой этих публикаций продолжается работа над «Архивом опеки Пушкина», и В. Д. Бонч-Бруевич очень доволен тем, как она идет. «Очень благодарю Вас за Вашу замечательную работу, которую Вы делаете», — пишет он Павлу Сергеевичу 2 июля 1936 г.²²

Первый, пушкинский, том «Летописей Государственного Литературного музея» выходит в свет в октябре 1936 г. [ЛГЛМ 1936].

Наконец, решилась судьба и пушкинской «Истории Петра». 27 декабря 1936 г. Издательство Академии наук СССР заключает договор с П. С. Поповым на подготовку «16-го (впоследствии ставшего 10-м. — И. С.) тома академ(ического) собрания соч(инений) А. С. Пушкина (16 листов текста — и 2 листа комментариев, указателей и пр.)»²³.

Предваряя не скорый еще выход этого тома, Павел Сергеевич продолжает в 1937 г. начатую в «Литературном наследстве» публикацию отдельных тетрадей пушкинских записей по истории Петра: 9 февраля — в газете «Известия» (записи о 1695—1696 гг.) [Попов 1937в], 5 июня — в «Литературной газете» (1697 г.) [Попов 1937г].

Помимо этого, в той же «Литературной газете» в январе была напечатана заметка Попова «Мнимое открытие. Болдинский дом Пушкина» [Попов 1937д] — о том, что дом, в котором жил в Болдине Пушкин, не сохранился, вопреки некоторым утверждениям; а в февральском номере «Литературного обозрения» — статью «Дневник Пушкина» [Попов 1937е], в которой рассматривает дневник поэта в аспекте темы, которая более всего интересует Павла Сергеевича, — «Пушкин-историк».

Интерес к этой теме, возникший у него в процессе работы над пушкинскими материалами к истории Петра I, не ограничился только ими. Попов внимательно анализировал работу Пушкина над историей Пугачевского бунта, выявляя общие подходы и приемы Пушкина в его исторических исследованиях. С этой же точки зрения он смотрит и на дневник поэта. Обобщая свои размышления над темой, Павел Сергеевич в юбилейном пушкинском выпуске «Вестника Академии наук СССР» публикует статью, которая так и называется — «Пушкин как историк» [Попов 1937ж]. А в июле 1937 г. именно ему передают на рецензирование IX том академического собрания сочинений Пушкина, содержащий «Историю Пугачева»²⁴.

Попутно со всем этим продолжается кропотливая работа над материалами архива опеки Пушкина, их подробное комментирование, к которому Павел Сергеевич никогда не подходил формально. Как писал он однажды В. Д. Бонч-Бруевичу: «Я при работе словно чувствую себя в атмосфере того, если хотите, наивного энтузиазма, который характерен, например, для Цявловского. Вот тот умеет из возможности узнать точно имя и отчество какого-нибудь забытого корреспондента создавать себе радость. Уточняя годы жизни, он чувствует пафос точности научной работы»²⁵.

2 февраля 1938 г., после новой сверки с рукописями, наконец, сдан набор X том академического собрания сочинений Пушкина. Таким образом, завершается почти семилетний труд П. С. Попова над пушкинской «Историей Петра».

Через шестьдесят лет, в 2000 г., В. С. Листов, заново прочитавший, тщательно проанализировавший и подготовивший к публикации материалы Пушкина по истории Петра I, так оценит работу Павла Сергеевича:

«П. С. Попов впервые полностью опубликовал сохранившийся корпус текста „Истории Петра“ (...) и дал к нему текстологический комментарий (...). Заслугой П. С. Попова следует считать полное прочтение обширного черновика, представляющее большие трудности. В чтении Попова встречаются неточности и даже смысловые ошибки, однако все последующие публикации в той или иной степени основаны были на традиции Большого Академического собрания сочинений, т. е. на трудах Попова» [Листов 2000а: 45—46].

В течение 1938 г., пока X том набирается, Попов публикует еще две порции пушкинских записей по истории Петра: в мартовском номере журнала «Октябрь» (записи о 1698—1702 гг.) [Попов 1938а] и в июльском номере журнала «Литературный критик» (1718 г.) [Попов 1938б].

А в ноябре 1938 г. Павел Сергеевич выступает на одном из двух заседаний Пушкинской секции Института мировой литературы имени А. М. Горького, посвященных «новинкам академического издания сочинений Пушкина» [Богаевская 1941: 545]. Выступает он с «Докладом об „Истории Петра“ Пушкина», машинописный оригинал которого сохранился в его архиве²⁶. В нем содержатся как очень интересные сведения о конкретных подготовительных пушкинских материалах, так и не менее интересные соображения о методе работы Пушкина как историка. К сожалению, доклад, прочитанный в достаточно узкой аудитории, при жизни Попова напечатан не был и опубликован только в 2009 г. [Попов 2009].

В наше время достаточно широкое распространение получило мнение, что в связи с постепенным изменением отношения Пушкина к Петру I выявилась невозможность для поэта создать историю, которая удовлетворяла бы и его самого, и Николая I, и Пушкин искал возможности если не избавиться от этого задания, то хотя бы облегчить себе его выполнение. Это, якобы, и явилось, в частности, причиной его обращения к труду Голикова [Листов 2000б: 25—26].

А вот что говорил в своем докладе П. С. Попов:

«Пушкин пошел по особому пути. Обычно в исторических трудах исследователи *исходят* из материала и *начинают* с изучения или даже с изыскания его. Так поступил и Пушкин при писании Истории Пугачева. С Петром дело обстояло иначе: до Пушкина Пугачев не имел своего историка; деятельность же Петра уже изучалась. Кроме того, Пушкину хотелось первоначально составить идею целого, поэтому к архивным материалам по эпохе Петра Пушкин решил обратиться *не в начале, а в конце работы*. Это решение во многом подсказывалось особым характером известных „Деяний Петра Великого“, 30-томного труда Голикова, собравшего груды сведений и фактов в свою историю Петра. (...) Пушкин решил прежде всего использовать „Деяния Петра Великого“. (...)»

Мне уже приходилось указывать, в каких разрезах подготовительный текст Пушкина представляет исследовательский интерес. Прежде всего имеется ряд самостоятельных отступлений, характеристик и оценок Пушкина исторических лиц и событий. Можно прощупать критическое отношение к источнику, также идеологические тенденции поэта. Кроме того, в записях несомненно намечается та общая манера повествования, которую хотел принять Пушкин: насыщенного фактами, простого и стройного сказа. (...)

Пушкин отличал, как известно, „государственные учреждения Петра — плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости“ и своиравные, жестокие его указы, „писанные кнутом, вырвавшиеся у самовластного помещика“. (...) Противоречивость оценок обострялась. Как продолжать работу, когда в основном взгляд двоился, а в глубине Пушкин сознавал всю значимость дела Петра. Подоспело и еще одно разочарование — во внешних средствах осуществления. (...)

Есть основания думать, что Пушкин усомнился, можно ли в основу будущей Истории Петра класть канву, извлеченную из „Деяний“ Голикова. Во всяком случае, раз ее составив, он к ней не возвращался и даже не перечитывал — об этом свидетельствуют многие неисправленные описки, повторно написанные и пропущенные слова. Рукописи Пушкина испещрены вопросами и пометами (когда? сколько? невероятно! чего? и т. п.), указывающими на необходимость дальнейших расследований и изысканий — по архивным и т. п. материалам. До этого этапа работа не дошла. (...)

Можно ли однако заключить, что Пушкин не справился с задачей, которую он сам себе поставил, что он оказался беспомощным перед историческими материалами и только затягивал и откладывал свою работу. Ведь и в самом преобразователе он усматривал такую решительную двойственность, что нельзя говорить об определенном взгляде на личность и дело Петра, который мог бы лечь в основу всего труда Пушкина.

Мне думается, следует сделать обратный вывод: Пушкин слишком глубоко и изнутри хотел понять личность и дело Петра, не боясь взглянуть с самых противоположных точек зрения. Обнаружилась контрверза. Но весь вопрос в том, что ценнее для историка: подогнать противоречивую действительность под формулу, удачно подобрать эту формулу, или, не боясь углов и противоречий, отдаться загадочной стихии неуравновешенных сил. До конца жизни Пушкина Петр оставался для него мучительной загадкой. Однако разрыв и противоречие порою содержательнее готовой формулы.

Уже в конце своих черновых записей по поводу одного указа Петра 1718 года Пушкин выразительно пометил: „Сам он был странный монарх“. Этот образ странного, загадочного, мощного „властелина судьбы“, „горделивого истукана“ получил гениальное воплощение в поэме „Медный всадник“, но не простое дело уложить такой образ в прокрустово ложе систематического деписания. „Мечты поэта, историк строгий гонит вас“. Титан русского национального слова не мог с легким сердцем разделаться с титаном русского национального дела — в этом глубина, а не беспомощность замысла»²⁷.

Наконец 10 декабря 1938 г. в Ленинграде подписывают к печати X том Полного собрания сочинений Пушкина, а 25 декабря того же года в Москве сдают в набор «Архив опеки Пушкина».

В январе 1939 г. два заседания Пушкинской секции Института мировой литературы им. А. М. Горького посвящаются докладу М. В. Нечкиной «Пушкин и декабристы» и его обсуждению [Богаевская 1941: 545]. Павел Сергеевич выступает в прениях, полемизируя с докладчицей по поводу толкования некоторых мест пушкинской оды «Вольность», а именно — он

аргументированно доказывает, что Пушкин в своей оде противопоставлял не конституционную монархию неограниченной монархии (как считала Нечкина и многие вслед за ней), а законную монархию — тиранию²⁸.

В конце 1939 г. закончено печатание «Архива опеки Пушкина». Попов беспокоится по поводу прохождения этого тома «Летописей» сквозь возможные идеологические препоны и, как оказывается, не напрасно. В. Д. Бонч-Бруевич в письме к Павлу Сергеевичу в 1948 г., касаясь темы «политической заостренности», будет вспоминать, что до войны «лишь один раз мне пришлось встретиться с этим вопросом в Главлите, — именно с Вашей работой по тому „Летописи“ — Опека Пушкина. Главлит просил меня заострить целый ряд примечаний и объяснений, касающихся верноподданических писем жены Пушкина, об отношении Бенкендорфа к Пушкину и т. д. И мне пришлось, кажется, в 13-ти местах написать примечания от Редакции, где дать нужные политические объяснения и тем самым убедить Главлит, чтобы оставить те документы, которые были введены в том»²⁹.

Перед самым выходом тома приходится переделывать предисловие. По этому поводу Попов напишет М. А. Булгакову 12 декабря 1939 г.:

«Досадую на себя, что я быстро сжигаю корабли. Вот какой был маленький эпизод. Завтра выходит сигнальный экземпляр „Архива опеки Пушкина“ под моей редакцией. В предисловии я писал: „Надо отметить, что благодаря организации опеки с ее отчетностью и требованиями документальности мы находимся в исключительно благоприятных условиях для характеристики будничной жизни Пушкина последних лет. На документы по долгам поэта редакция смотрит как на весьма интересный материал по жизнеописанию поэта. В связи с юбилеем, как известно, широко развернулась работа советских писателей по созданию новых драматических произведений, связанных с жизнью Пушкина, романов, ему посвященных, и т. п. Правильные исторические краски, накладываемые авторами на их беллетристические писания, зависят в большой степени от доброкачественности тех сведений, на которые они опираются. В предлагаемых вниманию документах“ и т. д.

Так вот. В последний момент цензура потребовала, чтобы в предисловие был включен отдельный абзац о Николае I. Я его сделал, но места оставалось недостаточно, а переверстывать весь том — невозможно. Как быть? Мне говорят: вычеркните лишнее из предисловия. Я отвечаю, что лишнего не пишу. Ну, мы без вас найдем. И вычеркивают вышеприведенные строки. Я возражаю. А мне в ответ: да какие такие драматические произведения о Пушкине вы нашли? Я было хотел назвать то, из чего я внутренне исходил — твою пьесу („Александр Пушкин“. — И. С.) (о романах Тьнянова и Новикова³⁰ я как то и не очень думал), да махнул рукой и сказал: делайте, как хотите.

А вышло глупо: ведь если кому будет интересна книга, так постановщикам твоей пьесы, и хорошо бы, если бы это было предусмотрено предисловием. А я смалодушествовал» [Булгаков, Попов 2003: 237—238].

Все-таки том «Архива опеки Пушкина» [Попов 1939] благополучно выходит, и даже в «Правде» в краткой информационной заметке будет отмечено, что он представляет «большой интерес»³¹. Положительный отзыв появится и в «Литературном обозрении»³².

В июне 1940 г. в издательство сдан, наконец и «Справочник к сочинениям Пушкина» [Ашукин 1941: 551]³³, в подготовке которого Павел Сергеевич участвовал и для которого написал ряд статей, в том числе — о пушкинском «Путешествии в Арзрум», о Петре I, А. П. Ермолове, И. Ф. Паскевиче, И. И. Дибиче и др.³⁴ В свет, однако, этот справочник так и не выйдет. Этому помешает Великая Отечественная война³⁵.

Как уже отмечалось в первой части статьи, после войны литературоведческие интересы Попова отходят как бы на второй план.

Правда, в 1946 г. он снова выступает как редактор «Истории Петра» [Пушкин 1946], но ничего нового (по сравнению с академическим изданием), кроме исправления нескольких погрешностей, он в эту работу не вносит, а в 1950 г. допечатывается часть тиража X тома академического собрания сочинений Пушкина, в которой при участии П. С. Попова также исправляются замеченные к тому времени ошибки и опечатки. Этим практически завершается пушкиноведческая деятельность Павла Сергеевича, если не считать его попытки вступить в дискуссию с И. Л. Фейнбергом, который, активно начав заниматься пушкинской «Историей Петра» в конце 1940-х — начале 1950-х годов, позволял себе весьма критически (и не всегда обоснованно) отзываться о работах предшественников.

Особенно Попова задела заметка Фейнберга, напечатанная в «Литературной газете» 5 июня 1954 г., в которой, в частности, говорилось:

«„Историю Петра“ опубликовали, указав, что эта обширная рукопись представляет собой всего только предварительные конспекты, сделанные Пушкиным при чтении „Деяний Петра Великого“ — многотомного свода исторических источников, изданного в конце XVIII столетия И. Голиковым. Редакторы не увидели, таким образом, в найденной рукописи Пушкина ничего, кроме отражения начального этапа его исторических занятий. (...)»

Незамеченными остались и пропускающие в подготовительном тексте „Истории Петра“ многочисленные страницы — заготовки исторической прозы, подготовленной уже Пушкиным для его будущей книги» [Фейнберг 1954: 3]³⁶.

В январе 1955 г. появилась новая статья И. Л. Фейнберга на ту же тему [Фейнберг 1955a], а весной вышла и его книга «Незавершенные работы Пушкина» [Фейнберг 1955b]. Попов подготовил ответную статью³⁷, в которой, во-первых, вполне аргументированно отводил обвинения Фейнберга в адрес редакторов академического издания Пушкина, а во-вторых, не менее аргументированно критиковал многие из положений, выдвигавшихся Фейнбергом как бесспорные. Неизвестно, где и как пытался Павел Сергеевич напечатать свою статью, но увидела она свет только в конце 1958 г. в «Ученых записках» МОПИ им. Н. К. Крупской [Попов 1958], издании малотиражном и малоизвестном, и явно осталась вне поле зрения пушкинистов, так как ни одной ссылки на нее встретить

не удалось³⁸. Похоже, что не дошла она и до И. Л. Фейнберга, так как ни в одном из последующих изданий его книги «Незавершенные работы Пушкина» никаких намеков на эту статью Попова нет, хотя критические замечания Павла Сергеевича сохраняют свою актуальность и сейчас.

Итак, активная пушкиноведческая деятельность Павла Сергеевича оказалась не очень долгой, но весьма плодотворной. К одним ее результатам исследователи творчества и биографии Пушкина обращаются и сегодня; другие — не опубликованные или незаслуженно забытые — еще ожидают своего часа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 08-03-00095а («Профессор МГУ П. С. Попов — историк философии, логик, культуролог»).

² В основе этого рассказа лежит доклад «П. С. Попов — человек, ученый, преподаватель», сделанный 8 июня 2005 г. на заседании двух кафедр философского факультета МГУ (логики и истории философии в России) ученицей П. С. Попова по университету, историком философии, ныне покойной Фаиной Георгиевной Никитиной, которая в свое время любезно предоставила мне машинописный текст доклада и позволила воспользоваться сведениями из него. Используются также данные из статьи М. О. Чудаковой, сопровождающей публикацию «Михаил Булгаков: глава из романа и письма» [Гудкова, Чудакова 1987], а также из статьи В. В. Гудковой «О Михаиле Булгакове и Павле Попове» [Гудкова 2003], которая предваряет публикацию их переписки [Булгаков, Попов 2003]. Ссылки на другие источники приводятся в соответствующих местах.

³ «Последнее письмо Михаила Афанасьевича Булгакова Павлу Сергеевичу Попову — это и самое последнее из известных сегодня его писем» [Гудкова 2003: 57]. Письмо это (вернее — записка в три строки) датировано 24 января 1940 г., когда писателю оставалось жить полтора месяца.

⁴ После смерти М. А. Цвяловского Попов в конце ноября 1947 г. писал В. Д. Бонч-Бруевичу: «Вы знаете, как я был тесно связан с М. А. Цвяловским. Помню его горе, когда он потерял своего единственного любимого сына, и помню его, можно сказать, еще юношеские выходки, которые потом сошли на-нет» [РГБ, ф. 369 (В. Д. Бонч-Бруевич), к. 319, ед. хр. 41, л. 43]. Сын Цвяловского утонул в 1926 г.

⁵ ГАХН в это время подверглась чистке и реорганизации, а в апреле 1931 г. была ликвидирована.

⁶ Цитируется по машинописному тексту доклада Ф. Г. Никитиной (см. примеч. 2).

⁷ Материалы этого тома подверглись переработке и вышли уже не в серии «Летописей Государственного Литературного музея» [см. Попов, Федоров 1947].

⁸ РГБ, ф. 547 (П. С. Попов), к. 5, ед. хр. 75, л. 1.

⁹ «Предоставлением рукописей я обязан директору ИРЛИ академику А. С. Орлову и б(ывшему) заместителю директора В. В. Бушу», — отмечал позже П. С. Попов [Попов 1934б: 511].

¹⁰ См. РГБ, ф. 547, к. 5, ед. хр. 57, л. 1.

¹¹ Как уже упоминалось, Попов был знаком с В. Д. Бонч-Бруевичем по работе над собранием сочинений Л. Н. Толстого, одним из редакторов которого был Бонч-Бруевич. Кроме того, последний в это время начинает издавать сборник «Звенья», а также занимается организацией Литературного музея в Москве, директором которого он же и станет.

¹² РГБ, ф. 369, к. 319, ед. хр. 41, л. 3 об.—4.

¹³ Иван Васильевич Сергиевский (1905—1954), пушкинист. Ср. характеристику из некролога: «Его первое выступление, статья „Пушкин в изучении марксистов“ (журнал „Печать и революция“), относится к 1925 г. С тех пор изучение творчества Пушкина стало основным предметом его научных занятий. Пушкину, а также проблемам советского пушкиноведения И. В. Сергиевский посвятил около тридцати статей. (...) С первых же лет существования „Литературного наследства“ И. В. Сергиевский являлся одним из руководящих работников издания. Значительная часть из 62 вышедших томов „Литературного наследства“ создана при его непосредственном и активном участии» [ЛН 1955: 862—863].

¹⁴ РГБ, ф. 547, к. 5, ед. хр. 57, л. 1.

¹⁵ РГБ, ф. 369, к. 319, ед. хр. 45, л. 1.

¹⁶ См. Цявловский, Цявловская 2000: 113; РГБ, ф. 369, к. 319, ед. хр. 45, л. 3 об.

¹⁷ РГБ, ф. 369, к. 319, ед. хр. 41, л. 8.

¹⁸ «Большое внимание конференция уделила Пушкинской энциклопедии, признав необходимым скорейшее ее издание» [Мануйлов, Модзалевский 1934: 154].

¹⁹ Материалы работы этой комиссии частично опубликованы [Чистова 1991]. Дубликаты некоторых опубликованных документов сохранились также в фонде П. С. Попова (РГБ, ф. 547, к. 1, ед. хр. 27, 28, 32—38), что позволяет установить авторство С. С. Попова для проспекта раздела «Музыка» (см.: Там же, ед. хр. 27, л. 2), тогда как в указанной публикации оно ошибочно приписано П. С. Попову [Чистова 1991: 281]. Кроме того, проспект раздела «Пушкинская тематика и терминология» датируется 1 декабря 1933 г. (см.: Там же, ед. хр. 28, л. 3), тогда как в публикации он не датирован.

²⁰ РГБ, ф. 547, к. 9, ед. хр. 18.

²¹ Сдан в набор 1 ноября 1936 г.

²² РГБ, ф. 547, к. 5, ед. хр. 42, л. 1.

²³ РГБ, ф. 369, к. 451, ед. хр. 27, л. 2.

²⁴ См.: РГБ, ф. 369, к. 451, ед. хр. 27, л. 3.

²⁵ РГБ, ф. 369, к. 319, ед. хр. 41, л. 31 (письмо от 21 июня 1941 г.).

²⁶ См.: РГБ, ф. 547, к. 1, ед. хр. 4.

²⁷ РГБ, ф. 547, к. 1, ед. хр. 4, лл. 9—11, 16—20.

²⁸ См. РГБ, ф. 547, к. 1, ед. хр. 11.

²⁹ РГБ, ф. 547, к. 5, ед. хр. 42, л. 8 об. (письмо от 8—14 октября 1948 г.).

³⁰ Роман Ю. Н. Тынянова «Пушкин» (к тому времени вышли первые две его части) и роман И. А. Новикова «Пушкин в Михайловском».

³¹ *Правда*, 1940, 11 января, № 11 (8057), 3.

³² *Литературное обозрение*, 1940, № 9, 58.

³³ Заметим, что у Ашукина сказано: «рукопись в июне сдана издательству» (без указания года). Учитывая, что этот выпуск временника 7 марта 1941 г. уже был подпisan к печати, кажется, не приходится сомневаться, что Ашукин говорит об июне 1940 г. В публикации же «Из истории справочных пушкинских изданий» почему-то

утверждается, что «рукопись „Справочника к сочинениям Пушкина“ была сдана в издательство в июне 1941 г.» [Чистова 1991: 280].

³⁴ См.: РГБ, ф. 547, к. 1, ед. хр. 16–20 и, по-видимому, ед. хр. 9, л. 1.

³⁵ «Война помешала книге выйти в свет, но рукопись сохранилась. Научная ценность ее чрезвычайно велика (...) Рукопись книги, к сожалению, остается пока мало-доступной» [Чистова 1991: 280–281].

³⁶ Заметим, что еще более резкой в оценках была статья [Фейнберг 1949], но она, очевидно, прошла мимо внимания П. С. Попова.

³⁷ См. РГБ, ф. 547, к. 1, ед. хр. 5, л. 1–20.

³⁸ Возможно, это объясняется еще и тем, что она попала в своеобразную библиографическую лагуну: 1958–1960 гг. не охвачены ни одной из опубликованных пушкиноведческих библиографий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ашукин, Н.: 1941, 'Справочник к сочинениям Пушкина', *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*, [вып.] 6, Москва — Ленинград, 549–551.
- Богаевская, К.: 1941, 'Государственный музей А. С. Пушкина: (К годовщине его существования)', *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*, [вып.] 6, Москва — Ленинград, 541–545.
- Богаевская, К. П.: 1996, 'Из воспоминаний', *Новое литературное обозрение*, № 21, 112–129.
- Булгаков, М. А., П. С. Попов: 2003, «Когда я вскоре буду умирать...»: *Переписка М. А. Булгакова с П. С. Поповым (1928–1940)*, Составление, текстологическая подготовка, вступительная статья и комментарий В. В. Гудковой, Москва.
- Гудкова, В. В., М. О. Чудакова: 1987, 'Михаил Булгаков: глава из романа и письма', Вступительная статья М. Чудаковой, Публикация главы из романа «Белая гвардия» М. Чудаковой, Публикация писем и комментарии к ним В. В. Гудковой, *Новый мир*, № 2, 138–180.
- Гудкова, В.: 1998, 'Павел Сергеевич Попов: личность и судьба', *Искусствознание*, № 1, 329–341.
- Гудкова, В. В.: 2003, 'О Михаиле Булгакове и Павле Попове', «Когда я вскоре буду умирать...»: *Переписка М. А. Булгакова с П. С. Поповым (1928–1940)*, Москва, 5–59.
- Козмин, Н.: 1936, 'Зарубежные автографы Пушкина', *Литературная газета*, 15 сентября, № 52 (615), 6.
- ЛГЛМ 1936 — *Пушкин*, Редакция М. Цявловского, Москва 1936, 86–194 (= Летописи Государственного Литературного музея; Кн. I).
- ЛГЛМ 1948 — *Письма к А. В. Дружинину (1850–1863)*, Редакция, вступительная статья и комментарии П. Попова. Москва 1948 (= Летописи Государственного Литературного музея; Кн. IX).
- Листов, В. С.: 2000а, 'От составителя: (О тексте пушкинской «Истории Петра»)', А. С. Пушкин, *История Петра*, Составление, подготовка текста, предисловие и комментарии В. С. Листова, Москва, 43–56.

- Листов, В. С.: 2000б, «Истории Петра» в биографии и творчестве А. С. Пушкина», А. С. Пушкин, *История Петра*, Составление, подготовка текста, предисловие и комментарии В. С. Листова, Москва, 7–41.
- ЛН 1955 — «И. В. Сергиевский: [Некролог]», *Литературное наследство*, т. 62: Герцен и Огарев, кн. II, Москва, 862–864.
- Мануйлов В., Л. Модзалевский: 1943, «Хроника пушкиноведения за 1933 год», *Пушкин: 1834 год*, Ленинград, 152–168.
- Попов, П. С.: 1928, «Я» и «ОНО» в творчестве Достоевского», *Достоевский: Сборник статей*, Москва, 217–275 (= Труды Государственной Академии Художественных Наук. Литературная секция; Вып. III).
- Попов, П.: 1934а, «Новый архив А. С. Пушкина», *Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века*, [т.] III/IV, Москва, 129–146.
- Попов, П.: 1934б, «Пушкин в работе над историей Петра I», *Литературное наследство*, Москва, [т.] 16/18: [Александр Пушкин], 467–512.
- Попов, П.: 1935, «Новое о Пушкине», *Литературная газета*, 5 июня, № 31 (522), 2.
- Попов, П. С.: 1936а, «Романы из эпохи конца XVII — начала XIX вв.», Л. Н. Толстой, *Полное собрание сочинений*, т. XVII, 624–701.
- Попов, П. С.: 1936б, «Из архива Пушкина», Публикация и комментарии П. Попова, *Пушкин*, Редакция М. Цявловского, Москва, 83–194 (= Летописи Государственного Литературного музея; Кн. I).
- Попов, П.: 1936в, «Существовал ли неизвестный дневник Пушкина?», *Литературная газета*, 20 сентября, № 53 (616), 6.
- Попов, П. С.: 1937а, «История Болдина», *Пушкин в Болдине*, Горький, 54–100.
- Попов, П. С.: 1937б, «Пушкин под надзором в Нижегородской губернии», *Пушкин в Болдине*, Горький, 101–114.
- Попов, П. С.: 1937в, «Неопубликованные рукописи Пушкина по истории Петра I», Публикация и статья П. С. Попова, *Известия*, 9 февраля, № 35 (6197), 3.
- Попов, П. С.: 1937г, «Неопубликованный отрывок Пушкина из истории Петра I», Публикация Павла Попова, *Литературная газета*, 5 июня, № 30 (666), 3.
- Попов, П.: 1937д, «Мнимое открытие. Болдинский дом Пушкина», *Литературная газета*, 15 января, № 3 (639), 3.
- Попов, П. С.: 1937е, «Дневник Пушкина», *Литературное обозрение*, № 2, 62–65.
- Попов, П. С.: 1937ж, «Пушкин как историк», *Вестник Академии наук СССР*, № 2/3, 128–149.
- Попов, П. С.: 1938а, «Неопубликованные записи Пушкина по истории Петра (1698–1702)», Публикация и послесловие П. С. Попова, *Октябрь*, № 3, 170–180.
- Попов, П.: 1938б, «Неопубликованные записи Пушкина по истории Петра I. 1718 год», Публикация и вступительная заметка П. Попова, *Литературный критик*, № 7, 208–224.
- Попов, П. С.: 1939, *Архив опеки Пушкина*, Редакция и комментарии П. С. Попова, Москва. (= Летописи Государственного Литературного музея; Кн. V).
- Попов, П. С.: 1957, *Суждение*, Москва.

- Попов, П. С.: 1958, 'Атеистические идеи в творчестве Достоевского', *Материализм и религия: (Сборник статей)*, Под редакцией профессора И. Д. Панцхава, Москва, 234–249.
- Попов, П. С.: 1958, 'О работе А. С. Пушкина над историей Петра: (В порядке обсуждения)', *Ученые записки Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской*, т. LXXVI: Труды кафедры русской литературы. Вып. 4, 333–344.
- Попов, П. С.: 1960, *История логики нового времени*, Москва.
- Попов, П. С.: 2009, '«Открывается эпоха занятий Пушкина над Петром»: Доклад профессора П. С. Попова. 1938 г.', Публикация Ф. Г. Никитиной, И. С. Сидорова, *Исторический архив*, № 2, 170–186.
- Попов, П. С., И. В. Федоров: 1947, *А. П. Чехов: Сборник документов и материалов*, Подготовили к печати П. С. Попов и И. В. Федоров, Предисловие П. С. Попова, Под общей редакцией А. Б. Дермана, Москва. (= Литературный архив; Т. 1).
- ПК — *Пушкинский календарь: К столетию со дня гибели А. С. Пушкина: 1837–1937*, Москва — Ленинград 1937.
- Пушкин, А. С.: 1946, *Полное собрание сочинений: В 6 томах*, Издание 5-е, т. 6, кн. 2: История Петра: Подготовительные тексты, Редакция П. С. Попова, Москва. РГБ — Российская государственная библиотека (Москва). Научно-исследовательский отдел рукописей.
- СХТ — *Государственная Академия Художественных Наук. Словарь художественных терминов. 1923–1929*, Общая редакция, послесловие И. М. Чубарова, Москва 2005.
- Файман, Г.: 1998, 'Первый биограф Михаила Булгакова и его «дело»: Павел Попов в О. Г. П. У.', *Независимая газета*, 12 марта, № 42 (1613), 8.
- Фейнберг, И. Л.: 1949, 'Незавершенная книга Пушкина («История Петра»)', *Вестник Академии наук СССР*, № 5, 26–63.
- Фейнберг, И.: 1954, 'Неизученные страницы Пушкина', *Литературная газета*, 5 июня, № 67 (3251), 3.
- Фейнберг, И. Л.: 1955а, 'Новые данные о работе Пушкина над «Историей Петра»: (Пушкин и «Дело царевича Алексея»)', *Вестник Академии наук СССР*, № 1, 83–95.
- Фейнберг, И.: 1955б, *Незавершенные работы Пушкина*, Москва.
- Цявловский, М., Т. Цявловская: 2000, *Вокруг Пушкина*, Издание подготовили К. П. Богаевская, С. И. Панов. Москва.
- Чистова, И. С.: 1991, 'Из истории справочных пушкинских изданий', Публикация И. С. Чистовой, *Пушкин: Исследования и материалы*, Ленинград, т. XIV, 278–292.
- Шебунин, А.: 1936, '[Рецензия на статью: П. С. Попов, Пушкин в работе над историей Петра I]', *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*, [вып.] 2, Москва — Ленинград, 437–441.